

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/89/7

Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме

Павел Викторович Алексеев¹, Асель Адилбековна Алексеева²

^{1,2} Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Аннотация. Исследуются дискурсы о Китае, сформированные в публикациях газеты «Восточное обозрение», выходивших в течение 1900 и 1901 гг., когда войска Российской империи участвовали в международной коалиции по подавлению восстания ихэтуаней («боксеров») – антизападного выступления в Китае. Нарративы «Восточного обозрения» о Китае впервые рассматриваются в контексте проблемы сибирского ориентализма – специфического дискурса о России, Западе и Востоке, в котором Сибирь определяла себя как субъект, а не объект ориентализации, а также в контексте российской и западноевропейской прессы. Авторы статьи полагают, что дискурсы о Китае в «Восточном обозрении» периода ихэтуаньского восстания имеют много общих черт с дискурсами Европы и российской метрополии о «китайском вопросе» 1900–1901 гг., но при этом обладают спецификой, обусловленной особой ролью газеты в развитии идеологических конструкций Сибири.

Ключевые слова: «Восточное обозрение», Китай, ихэтуаньское восстание, китайский вопрос, сибирский ориентализм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

Для цитирования: Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 152–170. doi: 10.17223/19986645/89/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/7

Discourses on China in *Vostochnoe Obozrenie* during the Yihetuan uprising: On the issue of Siberian Orientalism

Pavel V. Alekseev¹, Asel A. Alekseeva²

^{1, 2} Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of forming discourses about China during the Yihetuan (“Boxer”) uprising of 1900–1901 in the Irkutsk newspaper *Vostochnoe Obozrenie* [The Eastern Review]. The spontaneously erupted anti-Western, anti-Christian and anti-colonial movement of the Chinese population became the most important international event of the early 20th century, as the rebels, supported by Empress Dowager Cixi, posed a mortal threat to a large number of foreign trade, diplomatic, military and religious missions that competed with each other for influence in China. That is why, at the very peak of the military intervention of the Alliance of Eight Powers (Russia, Austria-Hungary, the UK, Germany, Italy, the USA, France and Japan), most large and small newspapers in different countries published daily materials of varying degrees of reliability about the Yihetuan uprising. Each newspaper formed its own complex narrative, which depended both on the policy of the publication and on the government of the country that forms the national discourse, so the authors studied publications about China by one of the leading Siberian publications of the late 19th and early 20th centuries, *Vostochnoe Obozrenie*, in the context of the general mass of the international press. The novelty of the presented study lies in the fact that for the first time the publications of *Vostochnoe Obozrenie* about China during the Boxer Rebellion are considered in the context of the concept of Siberian Orientalism, which is a set of Siberian intelligentsia’s ideas about the imperial and colonial practices of the world, divided into West and East, in which Siberia gradually discovers its own specific narrative. The authors believe that this concept is able to explain the specifics of *Vostochnoe Obozrenie*’s Chinese theme: (1) all the materials are semiotically presented as mostly science discourse in which the constituent parts are perceived not separately, but in relation to an integral image of China, which did not go beyond Russian and Western ideas of Orientalism; (2) the authors of *Vostochnoe Obozrenie* initially chose a balanced analytical tone, critical of the official government (imperial) discourse; (3) an important feature of the Chinese theme of *Vostochnoe Obozrenie* is the frequent use of the technique of “self-orientalization” when describing the policy of the Russian government and the actions of the Russian population in Siberia and the East as “eastern” for the purpose of self-criticism; (4) all publications about China were made in two main perspectives: civilizational and socio-economic, allowing readers to imagine the similarities and differences between Russia and China, as well as analyzing the role of the Chinese factor in the economy of Siberia, which was acquiring its unique (within Russia) cultural voice. The authors of the article conclude that, in general, under the leadership of I.I. Popov, during the period of the Yihetuan uprising, the dynamic balance between the self-orientalization of Russia and the orientalizing of China formed the basis of the information policy of *Vostochnoe Obozrenie*.

Keywords: *Vostochnoe Obozrenie*, China, Yihetuan uprising, Boxer Rebellion, Siberian Orientalism

Acknowledgements: The article is part of the research under the Russian Science Foundation Grant No. 22-28-01272: Discourses of Orientalism in Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia (1890-1917): Ideological and Artistic Aspects.

For citation: Alekseev, P.V. & Alekseeva, A.A. (2024) Discourses on China in *Vostochnoe Obozrenie* during the Yihetuan uprising: On the issue of Siberian Orientalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 152–170. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/7

В течение 1900 и 1901 гг. антиколониальное восстание в Китае, практически сразу получившее название «восстание боксеров», «ихэтуаней» или «Большого кулака» (в англоязычной прессе начала XX в. – «Boxer Rebellion» или «Boxer Uprising»), стало, возможно, самым заметным событием международной жизни европейских и дальневосточных держав, а также России и США. Истоки и характер ихэтуаньского движения к настоящему моменту довольно хорошо изучены и представлены в фундаментальных работах Н.М. Калужной [1, 2], В.Г. Дацышена [3], Пола Козна [4], Джозефа Эшерика [5] и др. Неординарность и значимость этих событий определяются политическим и идеологическим контекстом меняющейся эпохи: в течение двух десятилетий после вторжения в Китай «Альянса восьми держав» произойдет распад Российской, Османской, Цинской и Австро-Венгерской империй, и двухвековые представления о Западе и Востоке, особенно его китайской части, будут подвергнуты корректировке в постколониальном миропорядке. Большая заслуга в формировании этих общественных сдвигов принадлежит периодической печати, переживавшей взлет своего могущества в эпоху стремительного расширения телеграфных сетей.

Пристальное внимание международной общественности к «китайскому вопросу»¹ поддерживалось практически ежедневными публикациями самой разнородной прессы (официальной, либеральной, религиозной и т.д.). Источником информации служили телеграфные сообщения из Китая о боях за Тяньцзинь, об осаде Посольского квартала в Пекине, об убийстве посла Германии Клеменса фон Кеттелера, об обстрелах Благовещенска и т.д., которые потом многократно перепечатывались и анализировались в самых разных контекстах. Для России в целом и для Сибири в частности эти события в течение 1900–1901 гг. также были в центре внимания, о чем выпуске от 25 июля 1900 г. сообщала иркутская газета «Восточное обозрение»:

На близком от нас Востоке льется кровь, мирно жившие соседи убивают друг друга, общественное внимание напряженно следит за перипетиями кровавой драмы, жадно ждем мы известий о своих близких, призванных под боевые знамена... [7. С. 3].

¹ Британский ученый Томас Отте справедливо полагает, что «китайский вопрос» как проблема раздела Китая между конкурирующими империями возник в международной политике после поражения Китая в войне с Японией в 1895 г. и является прямым развитием «восточного вопроса», сформированного вокруг наследства Турции – «большого человека Европы». В период с 1895 по 1905 г., считает Отте, «китайский вопрос затмевал все другие вопросы» [6. С. 158].

Практически сразу многие военные, корреспонденты, востоковеды и просто очевидцы событий в Пекине, Мукдене, Тяньцзине, Бэйцане, Янцуне и других местах боевых столкновений принялись за написание хорошо иллюстрированных брошюр и книг. Одна из самых известных книг на русском языке «У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента “Нового края” на театре военных действий в Китае в 1900 г.» Д.Г. Янчевецкого, обозревателя порт-артурской газеты, была издана в Петербурге в 1903 г. В ней автор с удовольствием замечал:

<...> из всех книг, посвященных иностранными авторами китайской войне 1900 года, выдающимся явилось сочинение английского корреспондента Генри Сэвэдж-Лэндора «China and the Allies», роскошно изданное в Лондоне¹ <...> В русской литературе появились обстоятельные сочинения капитана А.В. Полторацкого, капитана К.К. Кушакова, ротмистра Ю.Л. Ельца, доктора В.Н. Корсакова и – замечательный труд молодого профессора Владивостокского Института Восточных языков Я.В. Рудакова «Общество Ихэтуань», представляющий не только в России, но за границей первое научное исследование вопроса о боксерах в Китае² [8. С. XI–XII].

С самого начала многоязычные дискурсы об ихэтуаньском восстании были текстуально насыщены и имели большое значение для самых разных кругов международного сообщества³. В России же обилие документальных свидетельств о китайцах, вознамерившихся истребить европейцев, не оказавших должного почтения коренному населению, естественным образом усиливали экзистенциальные страхи о «желтой опасности», и без того подогреваемые В.С. Соловьевым, С.Н. Трубецким, Н.Г. Гариным-Михайловским и др. [10].

Исследователи, занимавшиеся изучением нарративов об ихэтуаньском восстании газет (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Дж. Эллиотт, А. Эскридж-Космач, Юси Лу и др.), выходивших в Европе, США, Китае и других странах, обращают внимание на несколько важных обстоятельств, также

¹ На самом деле книга Генри Лэндора (Henry Savage A. Landor) была издана в нью-йоркском издательстве «Charles Scribner's Sons» в 1901 г.

² Вероятно, Д.Г. Янчевецкий имеет в виду следующие издания (в большинстве случаев неверно указывая инициалы авторов): книгу К.П. Кушакова «Южно-маньчжурские беспорядки в 1900 г.» (1902), мемуары В.В. Корсакова «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май – август 1900 года» (1901), исследование А.В. Рудакова «Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке» (1901), а также очерки Ю.Л. Ельца «Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами» (1901), «В осаде. События последней китайской войны» (1901), «Наша сила. Подвиги русских воинов, граждан и женщин в последнюю китайскую войну» (1901), «С трупами. Эпизод из пекинского сидения» (1901).

³ Так, согласно исследованию Т. Вонга, новости о боксерском восстании в Китае, ежедневно публиковавшиеся в «Financial Times» с июня по август 1900 г., оказывали значительное влияние на колебания курсов китайских, японских и российских облигаций на Лондонской фондовой бирже [9. С. 43, 57].

имеющих значение для формирования стартовых исследовательских позиций в отношении российской дореволюционной прессы.

Во-первых, большинство газет сфокусировали свое внимание на китайских событиях далеко не с самого начала (т.е. не с 1898 г., когда на севере страны начали действовать стихийно сформированные отряды «Большого кулака»), недооценивая опасность, исходящую от «сонной» восточной страны. Дж. Эллиотт условно разделил эти события на четыре фазы, неравномерно освещаемые в западной прессе: первая фаза до вмешательства иностранных войск в июне 1900 г., вторая фаза продолжительностью шесть недель в июне и июле 1900 г., когда китайские войска явно одерживали верх над альянсом, третья фаза продолжительностью четыре недели, в течение которых альянс пытался собрать достаточное количество войск для похода на Пекин, и четвертая фаза, когда Пекин был взят и «были предприняты попытки начать переговоры о штрафной компенсации на фоне безрассудных изнасилований, грабежей и неизбирательного расстрела китайских граждан союзными войсками» [11. С. 257]. Проблема формирования четких нарративов о китайских событиях была обозначена уже во второй фазе, когда авторы новостных и аналитических материалов должны были сформировать непривычный для читателей образ Китая: длительное время формировалось убеждение, что эта восточная страна является безмолвным объектом хищного дележа европейскими нациями, но масштабы, формы и первоначальный успех антиколониального движения сформировали предпосылки для корректировки ориенталистских представлений.

Впрочем, масштабы этой корректировки не стоит преувеличивать. Цивилизационная дистанция, постулируемая любым национальным вариантом ориентализма в Европе, оставалась обязательным условием любых суждений о Востоке. Поэтому как во время боксерского движения, так и значительно позднее такие взвешенные издания, как парижский журнал «Revue des deux Mondes», который, как полагает В.П. Трыков, давал «богатую и разнообразную информацию о “Другом” <...> и сбалансированную позицию по самым острым вопросам международной жизни» [12. С. 21], могли публиковать материалы, крайне примитивизирующие и Китай, и социально-политические истоки китайской смуты, а русские авторы с удовольствием это перепечатывали. Так, в сборнике документальных и публицистических материалов, собранных неким П. А. Х., «Взятие китайской столицы Пекина русскими и международными войсками» (1900), переложение статьи из «Revue des deux Mondes» под названием «Боксеры и косы» формировало представление том, что китайская революция возникла вследствие массовой паники невежественных китайцев, которым боксеры тайком отрезали косы [13. С. 32]. Позднее, в 1910 г., «Вестник Европы» некритично приводил выдержки из «обстоятельной статьи» генерала Третьей республики Франсуа Негриё из «Revue des deux Mondes»: «Китайская империя – не исполин, который пробуждается, а курильщик опиума, пытающийся стряхнуть с себя дремоту. Ему предстоят судороги. Школьные умы отравили его организм.

Если он когда-либо выздоровеет, он останется безсильным. Желтой опасности не существует» [14. С. 382]. Томская газета «Сибирская жизнь», ссылаясь на письма купца Марша, печатающиеся в берлинских газетах, приводила такую причину восстания: на фоне засухи «китайские священники» убедили народ, что бедствия обрушились на Китай из-за «белых чертей», которых поэтому надо безжалостно умертвить [15. С. 3].

Во-вторых, нарративы о китайских событиях 1900–1901 гг. довольно часто были основаны на сознательном искажении (или умолчании) фактов, поскольку каждая из стран, вовлеченных в конфликт, имела собственные интересы в Китае, выстраивала собственную политику в меняющихся обстоятельствах, а разнородное население этих стран продолжало формировать разные типы идентичности (национальную, территориальную, религиозную и т.п.). Так, по утверждению австралийской исследовательницы Юси Лу, немецкая публика, благодаря прессе «эмоционально вовлеченная в конфликт на далеком континенте», остро переживала чувство собственной значимости как новая колониальная держава, при этом место, которое занимали публицистические материалы о восстании, было «несоизмеримо с незначительной ролью Германии в реальных боевых действиях» [16. С. 45]: по предложению Николая II союзные войска были переданы под командование прусского генерала Альфреда фон Вальдерзее, который прибыл в Китай только в сентябре 1900 г., когда войска под общим командованием русского генерала Н.П. Линевича уже захватили Пекин. Таким образом, «драматический и часто вымышленный немецкий нарратив на самом деле сводился к тайному воспроизведению в печати мифа об основании Рейха» [11. С. 45], т.е. развивал немецкие идеи колониализма и реваншизма – о национальной гордости, ущемленной в результате столкновений с более сильными колониальными империями (например, с Францией).

Исследуя российские нарративы об ихэтуаньском восстании, Д. Схмельпеннинк ван дер Ойе обращает внимание на тот факт, что консервативная пресса (В. Мещерский, В. Доросевич и др.) сочувственно относилась к восставшим боксерам, называя их «патриотами» и высмеивая затруднения колонизаторов-европейцев. По его мнению, это отражало представления многих высших чиновников, включая самого Николая II [17. С. 69–70], которые несмотря на явные устремления к имперскому захвату и удержанию китайских территорий, предпочитали конструировать нарратив «особых отношений» с восточной автократией, подобно России «загрязненной западными идеями и товарами» [17. С. 78]. Таким образом, консервативное крыло российской прессы использовало восстание ихэтуаней для продвижения антизападного нарратива, соответствующего концепции официальной народности. В это же время такие газеты, как «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», часто настроенные критически по отношению к правительственным решениям и инициативам, также могли подвергать искажению и замалчиванию факты, которые им стали известны, поскольку тоже являлись в определенном отношении идеологически ангажированными. Антиимперские темы мировой прессы также должны быть проанализированы с учетом

времени и особенностей дискурсов, в которых эти темы развивались: в областническом дискурсе могли быть одни акценты, в монархическом (по отношению к европейским империям) – другие, в религиозном дискурсе¹ – третьи.

В настоящее время, конечно же, весь массив мировой прессы о боксерском восстании не изучен досконально по причинам его значительного объема, поэтому каждый исследователь выбирает наиболее репрезентативные издания², исходя из того, какие именно дискурсы требуется реконструировать. Отечественная пресса отчасти рассмотрена на материале таких изданий, как «Северный курьер», «Новости», «Неделя», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Вестник Европы», «Новое время», «Русская мысль» [22–24]. Из сибирских и дальневосточных газет в фокус исследователей попали «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Амурская газета», «Амурский край», «Дальний Восток», «Владивосток», а также ряд губернских ведомостей, однако рассмотрены они главным образом историками [25–27], которые не ставили себе задачу реконструировать дискурсивные практики ориентализма. Между тем важно понимать, что отношения между публицистическими текстами, полем идеологии и полем политики гораздо сложнее и разнообразнее, чем то, что обычно описывается терминами подчинения или противопоставления, и в этом необходимо предметно разбираться, учитывая специфику истории журналистики и идейных конструктов в Сибири. Кроме того, следует учитывать, что в семиотическую систему текстовой и визуальной репрезентации публицистических дискурсов о Китае в этот период входили также фотографии, рисунки, карикатуры (создавая эффект креолизированных текстов), художественные произведения, травелоги, эгодокументы и др. К сожалению, столь широкий охват материала невозможно осуществить в рамках одной статьи, однако это важно отметить для выражения исследовательской позиции и указания путей дальнейших исследо-

¹ Так, Дж. Росарио на примере американского издания «The Sentinel» продемонстрировал формирование в августе 1900 г. антиимперской картины, в которой боксерское восстание представлялось не как «движение против христианства как такового, а только в той мере, в какой христианство отождествляется в сознании китайцев с жадностью и несправедливостью, которые довели Китай до отчаяния» [18. С. 349].

² Так, среди англоязычных изданий в настоящее время эта тема отчасти изучена на материалах таких разных источников, как «The Times», «New York World», «Nation», «North-China Herald», «China Mail», «Shanghai Mercury», «Hong Kong Daily Press» и др. [11, 18], среди немецкоязычной прессы проанализирован материал таких изданий, как «Vorwärts», «Berliner Morgenpost», «Frankfurter Zeitung», «Kölnische Zeitung» и др. [16, 19], проанализированы также газеты «Slovenec», «Slovenska ljudska stranka», «Slovenski narod», «Edinost» и др. [20], выходившие в Австро-Венгерской империи на словенском языке (что, безусловно, подчеркивает широту охвата этой темы в мировой прессе начала XX в.). На французском языке тема боксерского восстания была рассмотрена на материалах таких газет, как «L'Edair», «Le Petit Parisien», «La Libre», «Parole», «Le Matin», «La Croix» и др. [21].

ваний в этой области. Таким образом, исходная позиция нашего исследования состоит, в том, что дискурсы русского ориентализма, формирующиеся вокруг каждого конкретного кейса, связанного с воображаемым восточным «Другим», изначально амбивалентны и гетерогенны – это их основное свойство, поскольку они неизбежно отражают весь спектр амбивалентных и гетерогенных [28. С. 189] представлений о России, Западе и Востоке.

На наш взгляд, сибирская пресса может быть важным материалом для изучения специфических сибирских нарративов о Западе и Востоке, которые в совокупности могут быть условно названы сибирским ориентализмом. Этот тип ориентализма целесообразно выделить из более широкого дискурсивного поля русского ориентализма, сформированного в столицах Российской империи, поскольку наиболее значимые частные газеты Сибири («Восточное обозрение», «Сибирская жизнь» и др.) были связаны с концептосферой областнического движения (подробнее об этом см.: [29]). Поскольку областнический дискурс существовал «в рамках имперской парадигмы» [30. С. 52], описывая Сибирь как колонию, для него были характерны те же системообразующие оппозиции, что и для русского ориентализма (связи центра и периферии, России, Европы и Азии, русского и иногородческого населения, колонии и метрополии, цивилизации и дикости и др.), только в центр своего дискурса агенты и акторы областничества ставили Сибирь, субъектность которой формировалась через оспаривание у метрополии права иметь собственный нарратив, т.е. быть семиотическим Западом по отношению к внутренним и внешним «Другим». В этой связи вполне объясним тот факт, что аналитический обзор информации об ихэтуаньском восстании «Восточное обозрение» часто публиковало на первой странице под рубрикой «Сибирские очерки».

При построении концепции сибирского ориентализма на материале сибирской периодики необходимо учитывать сложный и противоречивый характер самого областнического движения, а также его роль в эволюции сибирских газет, в частности «Восточного обозрения». Хорошей иллюстрацией этих противоречий служит неудачное сотрудничество лидера областничества Г.Н. Потанина с редакцией «Восточного обозрения» (споры с И.И. Поповым, несостоявшееся редакторство в «Байкале» и т.д.), а также в целом непопулярность областнических идей у прогрессивной общественности Иркутска в интересующий нас период 1900–1901 гг. В 1900 г., находясь в Санкт-Петербурге, Потанин не обратил никакого внимания на боксерское восстание¹, несмотря на то, что после двух экспедиций хорошо знал Китай,

¹ В 1900 г. Потанин упоминает о событиях ихэтуаньского восстания только в письме к Е.Н. Вагнер (от 5 июля из Уральского): «В Сибирь меня все более и более тянет. Война не удерживает меня от этого стремления и еще более побуждает к переселению. Теперь более, чем когда-либо в другое время, край нуждается в преданных рабочих, так что преступление бросить родину при таком ее положении. Граница – в беспокойном состоянии, полевые рабочие весь угнан на войну, а в стране засуха и предстоящий голод» [31. Т. 5. С. 21].

в частности Пекин (где в 1884 г. жил в Посольском квартале), и в целом был увлечен проблематикой Востока¹, однако это может быть объяснено большой загруженностью в связи с монгольской темой [31. Т. 5. С. 20]. Когда в июне 1901 г. Потанин переехал в Иркутск, боксерское восстание было уже не так актуально, и мы не знаем ни одного его сколько-нибудь серьезного материала на эту тему. Однако в 1904 г., когда Потанин будет редактировать воскресное иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни», проблематика русско-японской войны будет подана им в том же исследовательском ключе, как это делало «Восточное обозрение» в 1900 г.: инородцы Сибири и восточные «Другие», имеющие прямое или опосредованное отношение к сибирскому пространству, – это часть одного и того же проблемно-тематического комплекса областничества (или дискурсов, испытывших его влияние), а следовательно, и сибирского ориентализма. При этом мы полагаем, что дискурс сибирского ориентализма – явление более широкое, чем областничество: формирование идей сибирского регионализма происходило у его идеологов на базе уже существовавших идей о Западе и Востоке, а не наоборот.

В конце XIX – начале XX в. газета «Восточное обозрение» была одним из основных печатных органов областничества и именно в качестве такового системно формировала дискурсы о Востоке, наиболее значимой частью которого с первого программного номера в 1882 г. был определен Китай – «средоточие политической и гражданской жизни всего Востока» [32. С. 4]. Естественно, гетерогенные дискурсы ориентализма в Сибири формировались от Томска до Владивостока не только в областнической прессе, поэтому позиции авторов «Восточного обозрения» относительно инородческого вопроса и внешней политики России на Востоке и Западе всегда воспринимались в интертекстуальном ключе: общей практикой сибирского образованного населения было читать не одну, а разные газеты, ожидая там как можно более широкого охвата источников. Поэтому житель Иркутска мог вполне черпать сведения об ихэтуаньском восстании одновременно из «Восточного обозрения» и «Иркутских губернских ведомостей», которые кроме собственных материалов приводили цитаты из центральной и зарубежной прессы. Контекстуально значимый нарратив о Востоке формировался также на восточных территориях, формально не входивших в Российскую империю, но находившихся под ее контролем, например в Порт-Артуре, на Ляодунском полуострове, где с 1899 г. выходила газета «Новый край» – в «Восточном обозрении» довольно часто можно было встретить отсылки к этому изданию².

¹ В 1899 г., в начале боксерского восстания, Потанин публикует два важных для него труда: «Очерк путешествия в Сычуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 гг.» в 35-м томе «Известий Русского географического общества» в Санкт-Петербурге и «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» в Москве.

² Так, например, в № 4 от 8 января 1900 г. «Восточное обозрение», рекламируя «Новый край», сообщало о большом количестве научного, публицистического материала, который готовится опубликовать порт-артурская газета под редакцией П.А. Артемьева в

Несмотря на то, что исследователи темы Китая в «Восточном обозрении» так или иначе осуществили фронтальный просмотр номеров за 1900 и 1901 гг., все еще есть необходимость не только пересмотреть номера заново, но и переосмыслить их современную аналитику, исходя из того, что этот материал в ракурсе сибирского ориентализма исследуется впервые: «Восточное обозрение», как и остальная сибирская пресса, откликнулось на китайские события, формируя во многом отличный от центральной прессы дискурс, в котором общественно-политические и экономические аспекты этих событий напрямую связывались с интересами населения Сибири, напуганного военной мобилизацией и слухами о возможном вторжении боксеров и хунхузов. Уровень опасности был, разумеется, преувеличен, но события в Благовещенске (в том числе «Благовещенский погром», случившийся 4 июля 1900 г.) вполне продемонстрировали серьезность ситуации, с которой имели дело участники публицистического дискурса:

Лишь только вынимается меч из ножен, тотчас же обнаруживаются люди первобытного уровня нравственного развития. Так поступили китайцы, избивавшие министров и своих соотечественников христиан; но так же, к стыду и огорчению, поступили русские и христиане в Благовещенске и его окрестностях с мирным и беззащитным китайским населением. Местная газета «Амурский край» не позволяет в этом сомневаться. Газета сообщает о сожжении зазейских деревень Будунды, Алины и др., о множестве китайских и манджурских трупов, проплывших сверху по Амуру [33. С. 1].

Поэтому вполне понятно, почему газета «Восточное обозрение», выходявшая в Иркутске под редакцией И.И. Попова, естественным образом заняла позицию не только информационного, но и аналитического органа печати. В мемуарах «Записки редактора» И.И. Попов отмечал, что «в 1900 г. тираж газеты стал быстро возрастать, отчасти благодаря боксерскому восстанию, вспыхнувшему в Китае» [34. С. 121]. По мнению Попова, престиж газеты поднялся в связи с тем, что корреспонденты «Восточного обозрения» (в частности И.Я. Коростовец) публиковали качественную аналитику, которая предсказала последующие драматические события. По мере нагнетания ситуации (убийство немецкого посла фон Кеттелера, осада Пекина) газета открывала постоянные рубрики: «Из Манджурии», «Вести с Дальнего Востока», «Письма из Китая», «К событиям в Китае» и др. Последняя рубрика,

течение 1900 г.: «...Очерки дальнего востока М.Н. Васильева; Квантунские очерки П.А. Россова; <...> Китай. Государственное управление его, Русские и немцы в Китае, Из истории и литературы Китая, «Китайская поэзия» Д.Г. Янчевецкого; Очерки Японии П.А.; Государственные финансы Японии Абе-Кей-Киши; Воспитание женщин в Японии Коноэ Атсумари; О тюрьмах в Японии П.А.; Театр в Японии; <...> Морские сношения между портами одного и того же государства Шанхайца; Трактат о торговле и мореплавании между Японией и великими державами П.А.; <...> В отделе «Восточный фельетон» будут напечатаны: «Портартурские идиллии» (с стихах); От Петербурга до Артура путевые очерки; Портартурский фельетон Чайнамена и Сянь-Шэна <...>».

«К событиям в Китае», информационно-аналитическая по своему характеру, впервые появляется в № 135 от 20 июня 1900 г. «Что такое “Боксеры” или “Большой кулак”, какие цели преследует эта секта и к какому времени отнести ее возникновение? – <...> Несомненно одно, “боксеры” являются выразителем китайской замкнутости и недовольства европейским влиянием и как таковые пользуются полным сочувствием императрицы-матери, известной своим строго-отрицательным, враждебным всяким реформам, направлением» [35. С. 3]. На фоне редкой информации, публикуемой в «Иркутских губернских ведомостях»¹, подобные публикации «Восточного обозрения», безусловно, пользовались большим вниманием.

Вся публикуемая в «Восточном обозрении» информация в семиотическом отношении, на наш взгляд, должна быть представлена как единый научно-популярный дискурс, в котором составные части воспринимаются не отдельно, а в отношении к целому образу Китая, который сибирские читатели дополняли, не конструируя в ориенталистском смысле ничего принципиально нового. Так, например, на страницах «Восточного обозрения» Китай часто сохранял признаки «сонной» восточной страны, управляемой деспотией и населенной трудолюбивым, но хитрым и весьма многочисленным народом. Концепты «желтой опасности» и «ползучего экспансионизма» все время были актуальны, вне зависимости от того, были они явно артикулированы или нет, однако существенный нюанс заключается в том, что «Восточное обозрение» использовало концепцию «желтой опасности», чтобы говорить не только о Китае, но и о русском человеке, который еще более дик в своем невежестве и экспансионизме, представляя опасность и для китайцев, и для себя самого. В № 129 от 13 июня 1900 г. материал в рубрике «Сибирские очерки» ссылается на известные корейские травелоги Гарина-Михайловского, где описывается казак, который дерзко въехал на засеянное корейское поле и начал его «травить»:

<...> на замечание автора, «а чтоб тебе за это сделали в России», последовал ответ: «а хибя-ж² мы в России...». Характерно это не только для казака: наша культурность так плотно срослась с деталями обстановки, что попадая в иноверную, иноплеменную, иноязычную среду, культурный человек сплошь и рядом начинает действовать далеко не культурно. Легкое драпри из бесчисленных условностей исчезает. Классическим примером могут служить жестокости германских культуртреггеров в Африке или участников экспедиции Стенли, устраивающих каннибальское пиршество, чтобы иметь удовольствие набросать «с натуры» картину людоедства... Вот это-то возможное одичание русского человека и есть

¹ Первый крупный материал об ихэтуаньском восстании в «Иркутских губернских ведомостях» – перепечатка из «Правительственного вестника» – появился в неофициальной части только в № 30 от 5 июля 1900 г. К этому номеру было издано специальное Приложение, состоящее из телеграмм Российского телеграфного агентства о событиях в иностранных городах (из 16 телеграмм 10 связаны с боксерским восстанием).

² Разве ж (укр.).

наибольшая опасность, которой грозит наплыв «желтых». Опасность тем большая, что навыки, приобретенные в общении с китайцем, впоследствии будут практиковаться и в собственной среде и как далеко на запад может разлиться этот реванш востока, предсказать трудно [36. С. 1].

Тема мнимой и настоящей «желтой опасности» сквозной линией проходит через все выпуски «Восточного обозрения», начиная с уже процитированной выше статьи В. Васильева «Восток и Запад» 1882 г., и в период обострения «китайского вопроса» насыщается не только научным и публицистическим, но также художественным материалом в парадигме самоориентализации («self-orientalization»¹). Так, чтобы подчеркнуть мысль о том, что еще неизвестно, кто больше приносит вреда отечеству – русские спекулянты или китайский «Большой кулак», передовица «Сибирские очерки» приводит стихотворение «Два Кулака» из петербургского сатирического журнала «Стрекоза» [37. С. 1], а чтобы утвердить читателя в мысли о вреде от одиозных изданий, бездумно распространяющих миф о «желтой опасности», приводит стихотворение «"Китайка" бунтует», опубликованное в «Пермских ведомостях» под псевдонимом «Little man»:

Хотя бесстрашие китайца
Напоминает храбрость зайца,
Но обожаю я Китай
За чесунчу, за рис и чай.
Хотя ни рису и ни чаю
Я никогда не потребляю,
Хотя до моего плеча
И не касалась чесунча
И даже в летнюю истому
Я приобькнул с давних пор
На голове носить – солому,
А одеваться – в коленкор, –
Но, все ж, с державою Небесной
Симпатией я связан тесной,
И будет очень больно мне,
Когда безжалостные россы
В бескровной и смешной войне
Отрежут у китайца косы;
Когда солдат бунтовщика
Из грозных полчищ «Кулака»
Поймавши на бегу за юбку,
Задаст ему по-свойски лупку!..
Еще большее – признаюсь –

¹ Под ориентализацией следует понимать комплекс семиотических средств обозначения территории и ее населения как «восточной» в дискурсе ориентализма. Если этот комплекс средств направлен на описание общественных и государственных институтов своей страны, которые с позиции агента или актора ориентализма не являются восточными, а только имеют признаки «восточности» (как правило, в негативном ключе), такой способ изображения Востока называется самоориентализацией. Подробнее об этом см.: [38].

Мне будет за родную Русь
Тогда, когда она штыками
Заговорит с бунтовщиками.
Дабы заставить присмиреть
Разгул бунтующей «китайки»,
Вполне достаточно и плеть, –
Красноречивый взмах нагайки! [39. С. 1–2].

Как видим, «Пермские ведомости», будучи провинциальной газетой, тем не менее формируют образ Китая в традиционном для метрополии дискурсе ориентализма: «пленительный» Восток хаотичен, цивилизационно устарел и признает только язык силы, а «белый человек» имеет полное право не только применять силу по своему усмотрению, но и присваивать себе материальные и нематериальные ресурсы народа, находящегося на более низкой ступени развития. «Восточное обозрение», напротив, постулирует взвешенный подход, отрицающий высокомерный тон «белого эксплуататора». Однако при этом «Восточное обозрение» не отказывается от дихотомии «Запад–Восток», поскольку значимой частью дискурса сибирского ориентализма остается идея цивилизационной миссии России (в особенности – Сибири) по отношению к внутренним и внешним восточным «Другим», унаследованная из Европы в результате сложных путей культурного трансфера: китайцы «трусливы и наивны как дети» [40. С. 2], «хвастливы» [41. С. 3], а значит, нуждаются в опеке «взрослых». Вопрос только в том, чтобы сделать Сибирь «взрослой» в цивилизационном отношении как можно скорее, поскольку в Азиатской России русский человек, находящийся в ситуации перманентной опасности, исходящей от восточных людей, стремительно приобретает черты восточного. «Скоро и крепко привилось к нам всё маньчжурское: мы все оманьжурились...» [42. С. 1].

Прием самоориентализации используется авторами «Восточного обозрения» исключительно по причине того, что ни Российская империя целиком, ни Сибирь в частности, по их мнению, не достигли необходимого уровня развития в общественном и государственном смысле, чтобы успешно приводить к цивилизации восточные народы. Эта сквозная мысль является важным организующим началом всех публикаций об ихэтуаньском восстании в Китае, представляющих картину бессмысленных убийств и притеснений китайского мирного населения, в которой заметное место занимают нарративы о «восточном» характере поведения русских, о плохой организации мобилизации в сибирских регионах и т.д. В целом динамический баланс между самоориентализацией Российской империи и ориентализацией цинского Китая и составлял информационную политику «Восточного обозрения» в период ихэтуаньского восстания.

Интересным примером того, как выстраивалась информационная политика издания, служит пример фильтрации агентских телеграмм из Китая о событиях, связанных с генерал-майором П.К. фон Ренненкампом, командующим забайкальским отрядом: «В Маньчжурию двинули Ренненкампа, “лихого кавалерийского генерала”, – вспоминал И.И. Попов. – О “подвигах” и «победах» этого

“героя” мы не могли печатать правды. Но зато я выбрасывал из агентских телеграмм и не печатал восхваление его подвигов. Я даже телеграфировал агентству, что сообщения его о Ренненкампе “не соответствуют действительности”. Некоторые офицеры из его отряда были возмущены враньем и хвастовством генерала, писали нам и обличали его “подвиги”. От офицеров же мы получили сообщение, как был взят, насколько я помню, город Бодун. Генерал подготавливал приступ, расстреливая артиллерийским огнем мирное население. Войск и боксеров в городе не было. Мирное население не сопротивлялось, и тем не менее город был взят приступом, причем была уложена не одна сотня, а может быть, тысяча мирных китайцев» [34. С. 121–122].

Учитывая такую позицию главного редактора, «Восточное обозрение» системно формировало у читателей мысль о том, что в целом российский военный контингент наносит ощутимый вред мирному китайскому населению и, опосредованно, мирному русскому населению, разрушая сибирскую экономику, завязанную на торговле с приграничными территориями Китая:

<...> Русские войска, главным образом «удалые забайкальцы», подобно урагану пронесли по всей Манджурии, смели китайские силы и очистили страну от мятежников. Зато страна, откуда, как мы надеялись, будет приходить крупная жирная «лоха», дешевый рис, яблоки, орехи и проч., после сказанного урагана превратилась в мерзость запустения. Теперь вместо разных жизненных продуктов, вместо быков, баранов, откормленных на тучных пастбищах Монголии и Манджурии, нам мерещатся там одни лишь шайки полуголодных хунгузов <...> таким образом, вместо мирного обмена продуктами, вместо деятельной торговли, общего довольства и счастья, между соседями возникает взаимный страх, ненависть. Когда же наступит конец столь тягостному, ненормальному положению вещей? Вероятно, не скоро» [44. С. 3].

Таким образом, Китай, по версии «Восточного обозрения», вполне заслуживает внимательного отношения, поскольку его населяют люди, а не воображаемые дикари, и это отношение целиком определяло и подбор, и группировку материала, связанного с Поднебесной империей в двух ракурсах сибирского ориентализма, которые можно определить как «исследовательские»: цивилизационный и социально-экономический. Оба эти аспекта тесно связаны, поскольку каждый зависит от решения одного и того же комплекса проблем формирующейся сибирской идентичности.

Цивилизационный ракурс в газете вполне вписывался в общее направление «культурничества», которое объединяло областников, анархистов, народников и социал-демократов и было направлено против любой формы угнетения [32. С. 343], в том числе по цивилизационному признаку. Это предполагало как можно более широкое (насколько позволял публицистический формат) знакомство читателей с антропологическими и историко-культурными особенностями китайской цивилизации. Несмотря на то, что в газете часто проходили публикации, противопоставляющие «желтую» и «белую» расы, в целом редакторская политика заключалась в том, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать разницу между Китаем и Российской империей, а с другой стороны, представить Китай страной с богатой (но

устаревшей) культурой, трудолюбивым и миролюбивым населением, которое подвергается варварскому истреблению. Поэтому авторы недоумевают, почему в сложный для Китая период Россия отказывается от своих цивилизаторских функций, предпочитая решать имперские задачи: «Года два назад во Владивостоке устроена русско-китайская школа. Китайцы по подписке пожертвовали на ее содержание тысяч десять. Теперь, как сообщает “Вост. Вест.”, двери школы закрываются перед китайцами; сначала некоторым отказывали в приеме по одиночке, а теперь прямо прием китайцев ограничили 10 % всех учащихся. Чем вызвано такое ограничение? И как согласовать это с культурной миссией русских на Востоке?» [45. С. 2].

Социально-экономический ракурс материалов о Китае в «Восточном обозрении» в течение 1900–1901 гг. связан с попыткой максимально конкретно определить роль китайского фактора в экономике, культуре, образовании и повседневной жизни Сибири. Авторы постоянно подчеркивали мысль о том, что китайцы в Сибири – это прежде всего рабочие руки, в которых огромное неосвоенное пространство остро нуждается: «...в настоящее время в деревнях и в особенности в заимочных хозяйствах уборка хлебов и сенокошение совершаются только трудом наемных рабочих, каковыми и здесь являются, главным образом, китайцы <...> конкурировать с русским рабочим и вредить ему в настоящее время китаец не может, по той простой причине, что еще нет этого русского рабочего. Если и будет кому худо – то только самим китайцам, которые при их нетребовательности представляют широкий простор для удовлетворений эксплуататорских appetitov» [36. С. 1]. В то же время традиционная проблема нехватки рабочих рук в Сибири многократно обострилась по причине непродуманной мобилизации: «Война отозвалась на Красном Яре и всей округе, между прочим отъездом призванного на военную службу жившего в селе окружного врача. Население осталось совершенно беспомощным в медицинском отношении. Что-то будет осенью, с наступлением холодов и слякоти. Компетенция имеющегося на заводе частного фельдшера, разумеется, ограничена» [46. С. 2]. Авторы подчеркивают, что война с китайскими повстанцами ударила прежде всего по экономике и населению Сибири, а значит, именно Сибирь имеет полное право выстраивать об этих событиях собственный нарратив.

Список источников

1. Калужная Н.М. О характере тайного союза «Ихэтуань» // Тайные общества в старом Китае. М., 1970. С. 85–107.
2. *Восстание ихэтуаней*. 1898–1901: Документы и материалы / сост., авт. предисл. и примеч. Н.М. Калужная. М. : Наука, 1968. 276 с.
3. Дацзышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М. : Директ-Медиа, 2014. 592 с.
4. Cohen P.A. History in three keys: The Boxers as event, experience, and myth. New York : Columbia University Press, 1997. 428 p.
5. Esherick J.W. The origins of the Boxer uprising. Berkeley : University of California Press, 1987. 451 p.

6. *Otte T.G.* The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation // *The Boxers, China and the World* / eds. by R. Bickers, R.G. Tiedemann. Rowman & Littlefield Publishers, 2007. P. 157–178.
7. *Из русской жизни* // Восточное обозрение. 1900. № 164. 25 июля.
8. *Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 году. СПб., 1903. 618 с.
9. *Wong T.H.* Unintended Consequences: The Effects of the Boxer Uprising on Global Bond Prices in the London Stock Exchange // *Webster Review of International History*. 2022. № 2 (1). P. 42–61.
10. *Eskridge-Kosmach A.* Russian Press and the Ideas of Russia's 'Special Mission in the East' and 'Yellow Peril' // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2014. № 27 (4). P. 661–675.
11. *Elliott J.* Who Seeks the Truth Should be of No Country: British and American Journalists Report the Boxer Rebellion, June 1900 // *American Journalism*. 1996. № 13 (3). P. 255–285.
12. *Трыков В.П.* Публикации о России в журнале «Revue des deux Mondes» в первой половине XIX века // *Наука и школа*. 2021. № 2. С. 11–22.
13. *Взятие китайской столицы Пекина русскими и международными войсками* / сост. П.А.Х. СПб., 1900. 32 с.
14. *Иностранное обозрение* // Вестник Европы. 1910. Кн. 9. С. 373–383.
15. *Еще о причинах возстания* // Сибирская жизнь. 1900. № 158. 18 июля.
16. *Lu Y.* The war that scarcely was: The Berliner Morgenpost and the Boxer Uprising // *German colonialism and national identity* / eds. by Michael Perraudin, Jürgen Zimmerer. New York : Routledge imprint of Taylor & Francis, 2010. P. 45–56.
17. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russia's Ambivalent Response to the Boxers // *Cahier du monde russe*. 2000. № 41 (1). P. 68–70.
18. *Rosario J.* Protestant Anti-Imperialism and the Vindication of the Boxer Rebellion, 1899–1901 // *Diplomatic History*. 2022. № 46 (2). P. 349–374.
19. *Fitzpatrick M.P.* Kowtowing before the Kaiser? Sino-German Relations in the Aftermath of the Boxer Uprising // *The International History Review*. 2018. № 41 (3). P. 513–538.
20. *Lipušček U.* Interpretations of the Chinese Boxer Rebellion in the Slovenian Press at the Beginning of the 20th Century // *Asian Studies*. 2013. № 1 (2). P. 35–49.
21. *Corniot C.* La guerre des Boxeurs d'après la presse française // *Études chinoises*. 1987. № 6 (2). P. 73–99.
22. *Eskridge-Kosmach A.* China and Policy of Russia in Respect to China Before 1894 in the Russian Press // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2011. № 24 (3). P. 481–528.
23. *Eskridge-Kosmach A.* The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. № 26 (3). P. 414–438.
24. *Старовойтова Е.О.* «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 81–97.
25. *Курас Л.В., Кальмина Л.В.* Горячий рубеж веков: причины боксерского восстания в Китае 1898–1901 гг. в газете «Восточное обозрение» // *Власть*. 2021. № 4. С. 246–251.
26. *Курас Л.В., Кальмина Л.В.* «Боксерское» восстание в сибирской дореволюционной прессе: (на примере «Восточного обозрения») // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10, № 3. С. 528–542.
27. *Гузей Я.С.* Боксерское восстание и синдром «Желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. Т. 69, № 1-1. С. 82–86.
28. *Алексеев П.В.* Notes On Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 189–203.
29. *Жиликова Н.В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 288 с.

30. Панченко А.Б. «Сибирь» или «Азиатская Россия» – областничество между имперским и национальным дискурсами // *Studia Culturae*. 2016. № 1 (27). С. 49–59.
31. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск, 1987–1992.
32. Васильев В. Восток и Запад // *Восточное обозрение*. 1882. № 1. С. 2–5.
33. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1901. № 23. 1 апр.
34. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
35. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 135. 20 июня.
36. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 129. 13 июня.
37. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 193. 29 авг.
38. Алексеев П.В., Ван Ю. Россия и Китай в постколониальном дискурсе: проблема «self-orientalization» // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 20–23 апреля 2014 г. / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск, 2014. С. 249–258.
39. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 146. 4 июля.
40. Из манджурии // *Восточное обозрение*. 1900. № 88. 21 апр.
41. Владивостокские письма // *Восточное обозрение*. 1900. № 198. 5 сент.
42. Сибирские вести // *Восточное обозрение*. 1900. № 124. 7 июня.
43. С XV участка Онон-Китайской ветви Ж. Д. 2-е письмо ех-учителя товарищу) // *Восточное обозрение*. 1900. № 64. 21 марта.
44. Корреспонденция. Нерчинский завод // *Восточное обозрение*. 1901. № 53. 9 марта.
45. Вести с Дальнего Востока // *Восточное обозрение*. 1900. № 4. 8 янв.
46. По Забайкалью (продолжение) // *Восточное обозрение*. 1900. № 209. 20 сент.

References

1. Otte, T.G. (2007) The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation. In: Bickers, R. & Tiedemann, R.G. (eds) *The Boxers, China and the World*. Rowman & Littlefield Publishers. pp. 157–178.
2. Kalyuzhnaya, N.M (ed.) (1968) *Vosstaniye ikhetuaney. 1898–1901: Dokumenty i materialy* [Yihetuan Uprising. 1898–1901: Documents and materials]. Moscow: Nauka.
3. Datsyshen, V.G. (2014) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX vv.* [History of Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Direct-Media.
4. Cohen, P.A. (1997) *History in three keys: The Boxers as event, experience, and myth*. New York: Columbia University Press.
5. Esherick, J.W. (1987) *The origins of the Boxer uprising*. Berkeley: University of California Press.
6. Otte, T.G. (2007) The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation. In: *The Boxers, China and the World*. Bickers, R. & Tiedemann, R. G. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers. pp. 157–178.
7. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Iz russkoy zhizni [From Russian life]. 164. 25 July.
8. Yanchevetsky, D.G. (1903) *At the walls of immovable China. Diary of a New Territory Correspondent at the Theater of Operations in China in 1900*. Saint Petersburg: P.A. Artem'ev.
9. Wong Tsz Ho. (2022) Unintended Consequences: The Effects of the Boxer Uprising on Global Bond Prices in the London Stock Exchange. *Webster Review of International History*. 2 (1). pp. 42–61.
10. Eskridge-Kosmach, A. (2014) Russian Press and the Ideas of Russia's 'Special Mission in the East' and 'Yellow Peril'. *The Journal of Slavic Military Studies*. 27 (4). pp. 661–675.
11. Elliott, J. (1996) Who Seeks the Truth Should be of No Country: British and American Journalists Report the Boxer Rebellion, June 1900. *American Journalism*. 13 (3). pp. 255–285.

12. Trykov, V.P. (2021) Publikacii o Rossii v zhurnale “Revue des deux Mondes” v pervoy polovine XIX veka [Publications about Russia in the “Revue des deux Mondes” in the first half of the 19th century]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 11–22.
13. P.A.H. (ed.) (1900) *Vzyatie kitayskoy stolicy Pekina russkimi i mezhdunarodnymi voyskami* [The capture of Beijing, the Chinese capital, by Russian and international troops]. Saint Petersburg: A.A. Kholmushin.
14. *Vestnik Evropy*. (1900) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. 9. pp. 373–383.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1900) Eshche o prichinakh vozstaniya [More on the causes of the uprising]. 158. 18 July.
16. Lu, Y. (2010) The war that scarcely was: The Berliner Morgenpost and the Boxer Uprising. In: Perraudin, M. & Zimmerer, J (eds) *German colonialism and national identity*. New York: Routledge imprint of Taylor & Francis. pp. 45–56.
17. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2000) Russia's Ambivalent Response to the Boxers. *Cahier du monde russe*. 41 (1). pp. 68–70.
18. Rosario, J. (2022) Protestant Anti-Imperialism and the Vindication of the Boxer Rebellion, 1899–1901. *Diplomatic History*. 46 (2). pp. 349–374.
19. Fitzpatrick, M.P. (2018) Kowtowing before the Kaiser? Sino-German Relations in the Aftermath of the Boxer Uprising. *The International History Review*. 41 (3). pp. 513–538.
20. Lipušček, U. (2013) Interpretations of the Chinese Boxer Rebellion in the Slovenian Press at the Beginning of the 20th Century. *Asian Studies*. 1 (2). pp. 35–49.
21. Corniot, C. (1987) La guerre des Boxeurs d'après la presse française. *Études chinoises*. 6 (2). pp. 73–99.
22. Eskridge-Kosmach, A. (2011) China and Policy of Russia in Respect to China Before 1894 in the Russian Press. *The Journal of Slavic Military Studies*. 24 (3). pp. 481–528.
23. Eskridge-Kosmach, A. (2013) The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press. *The Journal of Slavic Military Studies*. 26 (3). pp. 414–438.
24. Starovoytova, E.O. (2017) “Moy bol'shoy kulak yeshche pri mne!": bokserskoye vosstaniye v Kitaye v rossiyskikh satiricheskikh izdaniyakh nachala xx veka [“My big fist is still with me!": The boxing uprising in China in Russian satirical publications of the early 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2 (19). pp. 81–97.
25. Kuras, L.V. & Kal'mina, L.V. (2021) Goryachiy rubezh vekov: prichiny bokserskogo vosstaniya v Kitaye 1898–1901 gg. v gazete “Vostochnoe obozrenie” [Hot Turn of the Century: Causes of the Boxer Rebellion in China 1898–1901 in the newspaper “Vostochnoe obozrenie”]. *Vlast'*. 4. pp. 246–251.
26. Kuras, L.V. & Kal'mina, L.V. (2021) “Bokserskoye” vosstaniye v sibirskoy dorevolutsionnoy presse: (na primere “Vostochnogo obozreniya”) [“Boxer” uprising in the Siberian pre-revolutionary press: (on the example of “Vostochnoe obozrenie”). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 10 (3). pp. 528–542.
27. Guzey, Ya.S. (2011) Bokserskoye vosstaniye i sindrom “Zheltoy opasnosti”: antikitsayskiye nastroyeniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke (1898–1902 gg.) [The Boxer Rebellion and the Yellow Peril Syndrome: Anti-Chinese Moods in the Russian Far East (1898–1902)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 69 (1-1). pp. 82–86.
28. Alekseev, P.V. (2020) Notes On Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 189–203. doi: 10.17223/19986645/67/10
29. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Panchenko, A.B. (2016) “Sibir” ili “Aziatskaya Rossiya” – oblastничество mezhdru imperskim i natsional'nym diskursami [“Siberia” or “Asian Russia” – regionalism between imperial and national discourses]. *Studia Culturae*. 1 (27). pp. 49–59.

31. Kozlov, Yu.P. (ed.) (1987–1992) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Irkutsk: Irkutsk State University.
32. Vasil'yev, V. (1882) Vostok i Zapad [East and West]. *Vostochnoe obozrenie*. 1. pp. 2–5.
33. *Vostochnoe obozrenie*. (1901) Sibirskiye ocherki [Siberian essays]. 23. 1 April.
34. Popov, I.I. (1989) *Zabytyye irkutskiye stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk Pages: Editor's Notes]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
35. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Sibirskiye ocherki [Siberian essays]. 135. 20 June.
36. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Sibirskiye ocherki [Siberian essays]. 129. 13 June.
37. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Sibirskiye ocherki [Siberian essays]. 193. 29 August.
38. Alekseev, P.V. & Wang, Y. (2014) Rossiya i Kitay v postkolonial'nom diskurse: problema "self-orientalization" [Russia and China in postcolonial discourse: the problem of "self-orientalization"]. *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay)* [History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Proceedings of the International Conference]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
39. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Sibirskiye ocherki [Siberian essays]. 146. 4 June.
40. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Iz mandzhurii [From Manchuria]. 88. 21 April.
41. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Vladivostokskie pis'ma [Letters From Vladivostok]. 198. 5 September.
42. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Sibirskiye vesti [Siberian news]. 124. 7 June.
43. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) S XV uchastka Onon-Kitayskoy vetvi Zh. D. 2-e pis'mo ex-uchitelya tovarishhu [From the XV section of the Onon-Chinese branch of Railway. 2nd letter from an ex-teacher to a friend]. 64. 21 March.
44. *Vostochnoe obozrenie*. (1901) Korrespondentsiya. Nerchinskiy zavod [Correspondence. Nerchinsk factory]. 53. 9 March.
45. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Vesti s Dal'nego vostoka [News from the Far East]. 4. 8 January.
46. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Po Zabaykal'yu (prodolzheniye) [Through Transbaikalia (continued)]. 209. 20 September.

Информация об авторах:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Алексеева А.А. – специалист Центра развития науки и инноваций Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: asel.grant@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language and Literature Department, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

A.A. Alekseeva, specialist, Center for the Development of Science and Inovetions, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: asel.grant@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 14.12.2022;
approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 27.05.2024.